

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1918-1926
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1918

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Formation of the Imperial Model of the All-Russian National-State Identity at the turn of the 19th – 20th centuries

Viktor V. Titov ^{a,*}

^aState Academic University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Abstract

Within the framework of the present study, the question of the specifics of the process of formation of the imperial model of the all-Russian national-state identity at the turn of the 19th – 20th centuries is revealed. The methodological basis of the work is formed through a combination of elements of comparative and structural analysis. The source base of the work includes office documents of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire and sources of personal origin that were not previously introduced into scientific circulation. On the basis of the conducted research, the author comes to the conclusion that the imperial model of the all-Russian national-state identity at the turn of the XIX–XX centuries formed largely in the inertial regime. The authorities reproduced the traditional system of practices for integrating new macrosocial groups through integration into the system of the imperial military and administrative elite of their establishment. This model demonstrated high efficiency in a traditional, agrarian society. However, the great reforms of Alexander II launched the process of large-scale modernization of Russian society, which resulted in the destruction of the traditional system of identities and the acquisition of subjectivity by new political and social groups. The situation was complicated by the active dissemination of nationalist ideas, including through the emergence of ethnic intelligentsia and the resuscitation of xenophobic stereotypes. At the same time, the authorities failed to form a system of universal primary education in Russian, which made it difficult for the integration of national outlying districts, and in some cases contributed to the stigmatization of the titular nation. The potential of Russian culture as a tool of «soft power» in the framework of building relationships with minorities was also not realized due to the relatively low degree of development of the network of primary and secondary educational institutions. The selective principle of applying universal military service to various peoples minimized the potential of the army as an institution of assimilation. At the same time, many national outskirts were much more closely connected economically and culturally with neighboring countries than with the core of the empire. It is also noted that the authorities considered the imperial identity in a simplified way, through the prism of the ideas of previous eras. It was actually built on the basis of loyalty to the sacralized figure of the monarch, belonging to the official church and a sense of belonging to a bureaucratic, military or class corporation. However, this model was inoperable in the conditions of an actively modernizing society, within which the process of building nations of the modern type began to proceed. Accordingly, the indicated problems of the formation of imperial identity were due to both subjective (rigidity of the establishment's thinking) and objective factors (lack of funds for the simultaneous solution of all modernization tasks in a historically short time frame).

Keywords: imperial identity, national-state identity, model, Russian Empire, nationalism.

1. Введение

Социально-политическая история России на рубеже XIX–XX вв. (т.е. период, непосредственно предшествующий революциям 1917 г. и падению монархии) традиционно пользуется повышенным

* Corresponding author

E-mail addresses: titov-msu@mail.ru (V.V. Titov)

вниманием со стороны исследователей. Эксперты вполне обоснованно рассматривают динамику социальных, политических и экономических процессов в России той эпохи в качестве ключевого источника информации в рамках моделирования ситуации, приведшей в итоге к гибели империи Романовых. Однако внимание исследователей традиционно концентрируется на хозяйственных и социальных изменениях либо внешних факторах, без учета трансформации поля символической политики государства, и в том числе – политики идентичности.

Как известно, состояние идентичности макросоциальных групп напрямую определяет их жизнеспособность, поскольку именно ее устойчивость и структурная специфика определяют степень консолидации общества. Кризисные тенденции в процессе социально-экономического и политического развития России в рассматриваемый период, безусловно, были связаны с крупномасштабными трансформациями общества, являвшимися, в свою очередь, политическими и во многом ментальными производными Великих реформ Александра II, и сопутствующим накоплением противоречий между новой моделью развития и прежде сложившейся системой устройства общества. Однако соответствующие изменения в отношениях между макросоциальными группами протекали постепенно и опосредованно. Между моментом реализации преобразований и трансформацией социально-экономической системы фиксировался значительный временной лаг. Его наличие было вызвано необходимостью, в том числе, трансформации идентичности, изменений в «картине мира» затронутых преобразованиями социальных слоев. Смена модели самоидентификации создавала новые смыслы и ценностные системы, а также по-новому маркировала прочие сообщества, составлявшие окружение соответствующих социальных корпораций.

Следует признать, что без развернутого понимания логики и специфики изменений российской идентичности в рассматриваемый период становится невозможно достоверно и объективно интерпретировать поведение различных слоев, составляющих население империи. Поэтому ключевое значение приобретает изучение имперской модели национально-государственной идентичности россиян данного периода. Имперская модель была призвана интегрировать в единое сообщество представителей всех народов, конфессий и сословий государства, гармонизировав взаимоотношения между ними.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования была сформирована за счет привлечения ранее не введенных в научный оборот делопроизводственных материалов различных подразделений Министерства внутренних дел, отложившихся в фондах Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного исторического архива. Помимо того, при написании исследования автор обращался к источникам личного происхождения (Бок, 1992; Витте, 1960; Гурко, 1897; Деникин, 1990).

Методология работы представляет собой исследовательский комплекс, полученный посредством комбинации структурного и сравнительного анализа. Использование первого метода позволило вычлнить наиболее значимые источники генерации имперской модели идентичности и факторы ее эрозии с учетом специфики их взаимодействия, применение второго – сопоставить вариацию имперской модели в рассматриваемый период с ее более ранними видами.

3. Обсуждение

В рамках дореволюционной историографии заявленная тема исследовалась преимущественно в контексте изучения политических дискуссий и на основе преимущественно опубликованных документов и источников личного происхождения. Также следует отметить, что тема изучалась вне контекста теории социальной идентичности. Для исследователей также была характерна концентрация внимания на развитии имперской модели идентичности в пределах конкретных территориальных и этнических кейсов (Бирюкович, 1883; Бородкин, 1905; Гессен, 1906; Катков, 1897; Корнилов, 1915; Липранди, 1909; Мессарош, 1897; Мехелин, 1908; Морозов, 1895; Спасович, Пильц, 1903; Толстой, Гессен, 1907).

В работах, опубликованных в советский период, был введен в научный оборот широкий пласт фактологического материала за счет изучения делопроизводственных документов. Помимо того, данные исследования носили преимущественно системный характер и описывали ситуацию на общенациональном уровне. И в то же время на содержание данных публикаций существенным образом влияла официальная идеология (Бурмистрова, 1962; Зайончковский, 1970).

В постсоветский период были предприняты попытки ревизии в изучении темы на основе принципа объективизма. Однако соответствующая проблематика исследовалась преимущественно вне контекста теории социальной идентичности. Также на проведение изысканий в равной степени влияли как сложившиеся ранее историографические стереотипы, так и социально-политическая конъюнктура (Боханов, 2006а; Боханов, 2006б; Вортман, 1999; Горизонтов, 1999; Дякин, 1995; Кисляков, 2011; Кудряшев, 2013; Кудряшев, 2018; Левин, 2017; Майорова, 2012; Миллер, 2007; Миронов, 2003; Мюллер, Рябова, Саблина, 2017; Сосновских, 2016).

В целом можно отметить, что степень научной разработанности заявленной темы характеризуют фрагментарность, наличие историографических пробелов и недостаточная степень теоретической фундированности.

4. Результаты

Имперская модель идентичности предполагает конструирование «суперэтнуса», имеющего гетерогенную ценностно-коммуникативную природу. В его рамках сохраняются все развитые системы национального самоопределения, однако в то же время их интегрируют между собой универсальная система коммуникации и декларация лояльности общим ценностям и смыслам. За счет последнего выстраивается многоуровневая национально-государственная идентичность, обладающая рядом специфических черт (Хобсбаум, 2000: 50).

Следует учитывать, что в рамках «стандартной» модели национально-государственной идентичности представления о принадлежности к соответствующей макросоциальной общности, как правило, ограничиваются лишь одним этносом (а в рамках аграрного общества дополняются также декларацией конфессиональной идентичности). Даже условно дружественные народы, проживающие на той же территории, воспринимаются в качестве «значимых чужих». Имперская же модель предполагала принципиально иное позиционирование. Такие факторы, как регулярная совместная повседневная деятельность гетерогенных широких слоев населения, отсутствие формальной и неформальной сегрегации (в том числе – в плане заключения браков) и, в большинстве случаев, лингвистической дискриминации, возможность приобщения к группе через принятие ее «титულიной» религии, широкое вовлечение этнических элит в функционирование военного и административного аппарата, формируют механизм работы «плавильного котла», благодаря которому представители разных национальностей, проживающих в империи, перестают воспринимать прочих ее подданных как полноценных «чужих». Они могут рассматривать друг друга в данном качестве в ситуации конфликта и изоляции, но при появлении третьей, внешней стороны будут выступать уже как носители общей идентичности (Эрикссон, 1996: 53, 72, 75-77).

В данном ракурсе особенно важно и то, что формирование имперских идентичностей Нового времени исторически предшествует возникновению национальных моделей самоидентификации. Традиционная имперская модель восприятия политической картины мира начала формироваться уже в период разложения феодальных отношений, однако органично вобрала в себя многие их элементы. Феодализм предполагал необходимость верности сеньору, а не нации или государству, а также сословный корпоративизм. Данные установки благоприятствовали переходу феодалов на службу к монархам, принадлежавшим к другому этносу или конфессии, благодаря чему условные «инородцы» достаточно быстро и органично вливались в состав военной, а затем и административной аристократии. Благодаря этому этнический истеблишмент – то есть наиболее влиятельная, ресурсно обеспеченная часть конкретного народа, формирующая представления о престижном образе жизни и задающая динамику развития культуры – достаточно быстро ассимилировался (частично или полностью) и начинал вовлекать в этот процесс широкие слои населения. Его драйвером служила система формальных и неформальных льгот, полагавшихся подданным, перенимавшим элементы идентичности титульной нации (наиболее ярким примером в данном случае является смена религиозной принадлежности) (Бок, 1992: 41; Евгеньева, 2012: 29-30).

Однако у традиционной модели распространения имперской идентичности имелись и свои недостатки. Она возникла и функционировала в реалиях аграрного общества, в рамках которого большинство населения вело преимущественно натуральное хозяйство, стабильно проживало в пределах одной локации, в подавляющем большинстве случаев – за пределами городов и иных центров образования и культуры. Среди основной массы населения преобладали локальные, региональные и религиозные модели самоидентификации. Имперская модель идентичности охватывала преимущественно военный и административный аппарат, население крупных городов, дворянство, купечество и иные социальные группы, вовлеченные в обеспечение жизнедеятельности государства и поддержание единства его территории (Баглай, 2016: 799; Евгеньева, 2012: 30).

Такого рода система национально-государственной идентичности могла успешно функционировать лишь до того момента, пока оставалась стабильной ее социально-экономическая база, а внешнее окружение пребывало на том же уровне развития. Однако процессы, запущенные Великими реформами Александра II, поставили под вопрос возможность сохранения имперской идентичности в привычной форме. Проведенные императором преобразования повлекли за собой резкий рост мобильности населения и транспортной доступности крупных городов, увеличение численности городского населения и промышленных рабочих, повышение числа грамотных и распространение единого литературного языка, размывание традиционной сословной системы деления общества. Синергия этих факторов обусловила возникновение благоприятных условий для формирования националистических настроений как среди представителей титульной нации, так и на этнических окраинах империи (Миллер, 2007: 334).

Развитию данного процесса способствовали и иные, внешние факторы. С одной стороны, следует отметить, что конец XIX – начало XX вв. в целом характеризовал рост национализма в

глобальных масштабах, детерминированный успехами в индустриальном развитии великих держав, научно-техническим прогрессом, ростом противоречий между ключевыми акторами геополитики и формированием национального бизнеса на окраинах империй. С другой стороны, многие из великих держав осознанно и целенаправленно подпитывали рост националистических настроений среди различных меньшинств на территории государств-соперников, рассчитывая использовать их как прокси-силы либо источник комплектования агентурной сети в случае возникновения прямого конфликта. В частности, такого рода тактику использовала Австро-Венгрия в отношении украинцев – подданных Российской империи, а Германия – в рамках работы с русофобски настроенными польскими националистами (ГАРФ. Ф. 102. Оп 1. Д. 215. Л. 37-40; РГИА. Ф. 1287. Оп. 20. Д. 5. Л. 31-32; Сосновских, 2016: 206).

В итоге к концу XIX в. состояние имперской идентичности России характеризовало наличие двух противоречащих друг другу тенденций. С одной стороны, на уровне элит общая имперская идентичность по-прежнему существовала преимущественно вне контекста кризисных тенденций. В частности, большинство представителей дворянства скептически относились к этническому национализму, в том числе – в силу традиционного толерантного отношения к принятию в ряды своего сословия зарубежной аристократии, широкого присутствия среди офицерства и представителей высших слоев гражданской администрации «обрусевших» представителей других этносов и наличия привычной модели интеграции «инородцев» через обращение в православие (Витте, 1960: 72; ГАРФ. Ф. 102. Оп 77. Д. 178. Л. 90-91; Мюллер, Рябова, Саблина, 2017: 204).

С другой стороны, наблюдался рост популярности национализма среди отдельных категорий предпринимателей, обеспокоенных экспансией зарубежных конкурентов либо доминированием на территории этнических окраин структур компаний-монополий, головные отделения которых базировались в Санкт-Петербурге и Москве (РГИА. Ф. 1287. Оп. 20. Д. 21. Л. 74; Сосновских, 2016: 205; Спасович, Пильц, 1903: 59).

Роль деструктивного фактора, негативно сказывающегося на формировании общероссийской идентичности имперского типа, играл и рост численности «этнической» интеллигенции, активно воспринимавшей и воспроизводившей доктрины зарубежных идеологов национализма. На фоне постепенного слома сословной системы деления общества и роста числа социальных конфликтов (по причине высоких темпов индустриального развития и все большего проникновения рыночных отношений в сельское хозяйство) националистически настроенная интеллигенция в почти априорном порядке присваивала себе статус выразителя интересов этноса, обозначая при этом в качестве виновника всех проблем власти империи и представителей иных народов, присутствующих на территории. В качестве наглядного примера в данном случае можно привести выжимки из программных тезисов украинских националистов (т.н. «10 заповедей», разработанных одним из идеологов Украинской народной партии Н.И. Михновским): «Все люди – твои братья, но москали, ляхи, венгры, румыны и евреи – это враги нашего народа, пока они господствуют над нами и обируют нас. ...Украина – для украинцев! Итак, выгони отовсюду с Украины чужаков-угнетателей. ...Всегда и везде используй украинский язык. Пускай ни жена твоя, ни дети твои не оскверняют твой дом языком чужаков-угнетателей. ...Не обворовывай собственный народ, работая на врагов Украины. ...Помогай своему земляку прежде всех, держись в центре товарищей. ...Не бери себе жену из чужаков, поскольку твои дети будут тебе врагами, не дружи с врагами нашего народа» (Кисляков, 2011: 139-140).

Ситуацию усугубляло то, что националистические настроения начали распространяться в том числе среди представителей русского «этнического большинства». При этом зачастую они выстраивались на основе не столько интруппового фаворитизма (то есть устойчивых представлений о позитивной исключительности этнических русских), сколько аутгрупповой дискриминации – тенденции к стигматизации и даже «демонизации» иных этносов. В качестве конкретного примера в данном случае можно привести разжигание антисемитских настроений, осуществлявшееся на основе реанимации средневековых и откровенно иррациональных стереотипов (Бирюкович, 1883: 675). Показательно в данном случае «дело Бейлиса», в рамках которого его основной фигурант был обвинен в употреблении в пищу в ритуальных целях крови детей-христиан (Миллер, 2007: 338).

При этом власти на местах в большинстве случаев не реагировали должным образом на эпизоды крупномасштабного нарушения закона радикальным сегментом националистов. Еврейский погром в Николаеве в апреле 1899 г. продолжался три дня подряд. В ходе погрома 7 апреля 1903 г. в Кишеневе на улицах города присутствовали вооруженные патрули, сформированные из солдат местного гарнизона, однако из-за отсутствия приказа они большую часть времени не препятствовали толпе. Вполне закономерно низкая эффективность действий представителей власти не только породила слухи о том, что региональные администрации причастны к погромам (либо сочувствуют их организаторам), но и спровоцировали всплеск экстремизма среди представителей еврейских общин. И в данном случае речь идет не о создании отрядов самообороны (существовавших де факто вне правового поля империи), а о случаях ответного террора. В частности, упомянутый выше кишиневский погром был во многом инспирирован усилиями публициста П.А. Крушевана (активно участвовавшего в дальнейшем в публикации сфабрикованных «Протоколов сионских мудрецов»),

распространившего при помощи газеты «Бессарабец» ложную информацию о якобы ритуальном характере убийства местного подростка. Однако в итоге журналист не был привлечен к какой-либо ответственности, что спровоцировало покушение на него П.И. Дашевского (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 77. Д. 153. Л. 54-57; Платонов, 2005: 85).

Ситуацию усугубляло то, что в исследуемый период в России не была сформирована до конца система всеобщего начального образования, которая охватывала бы всех подданных соответствующего возраста в рамках унифицированной учебной программы. Как следствие, власти были лишены возможности использовать такие инструменты распространения имперской идентичности, как универсальный язык общения, а также единая система нарративов и символов. Равным образом отсутствовала возможность полноценно использовать ресурсы «мягкой силы» в виде произведений литературы и искусства. При этом в отдельных регионах империи (Финляндия, Польша, остзейские губернии) существовали фактически собственные образовательные системы, функционировавшие на частной основе. За счет этого уровень грамотности среди их жителей был заметно выше, чем в целом в рамках империи. И это способствовало активному формированию местных идентичностей. С одной стороны, собственный этнос ассоциировался у местных жителей с высоким уровнем образования и культуры, а титульная нация империи – с неграмотностью (Гильфердинг, 2009а: 170; Гурко, 1897: 95; Деникин, 1990: 87-88; Погодин, 2015: 352). Последнее подпитывало интрупповой фаворитизм жителей национальных регионов, создавая у них представление о собственном превосходстве по отношению к этническим русским. С другой стороны, получая образование не на русском языке, они выпадали из российского культурного поля (Гильфердинг, 2009b: 283; РГИА. Ф. 1287. Оп. 20. Д. 19. Л. 76-79).

Проблемы для формирования имперской идентичности на макросоциальном уровне (с точки зрения идентификационной интеграции широких масс населения) создавала и специфика экономического развития многих регионов. В частности, Финляндия, Польша, Литва, остзейские губернии были тесным образом связаны хозяйственными отношениями с зарубежными государствами, в то время как экономическое присутствие регионов ядра империи в их жизни ощущалось слабо. Показателен в данном отношении тот факт, что к началу XX в. на Балтийском море практически полностью отсутствовало собственно русское торговое судоходство: корабли под российским флагом обслуживались преимущественно командами и капитанами иного происхождения (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 77. Д. 198. Л. 32-34; Бородкин, 1905: 43; Корнилов, 1915: 312; Погодин, Рябова, 2016: 343).

Также следует учитывать, что власти империи не задействовали в полной мере такой ресурс выработки коллективной идентичности, как служба в армии. Большинство мусульманских народов империи (исключение составляли башкиры и волжские татары) не подлежали призыву и поступали на службу в добровольном порядке. Попытка властей империи расформировать обособленные финские воинские подразделения и принудить жителей Великого княжества служить в частях российской армии за пределами региона в 1901–1905 гг. закончилась провалом, после чего жители Финляндии и вовсе были освобождены от воинской повинности (Липранди, 1909: 21; Миллер, 2007: 337; РГИА. Ф. 1287. Оп. 35. Д. 1376. Л. 29-30).

Роль источника рисков играла и экстраполяция укоренившегося в практике элит принципа религиозной лояльности на ассимиляцию широких масс. Отдельные конфессиональные группы (например, униаты) рассматривались как в принципе неблагонадежные, а применение дискриминационных мер по отношению к этническим евреям напрямую зависело от их религиозной принадлежности: переход из иудаизма в православие автоматически давал им освобождение от существующих ущемлений в правах. В результате восприятие имперской идентичности начало закономерно восприниматься как отказ от изначальной модели самоидентификации с сопутствующим разрывом социальных связей с представителями ближайшего окружения, включая родственников. При этом наличие именно негативных стимулов (в виде поражения в правах в случае отказа смены религии) способствовало скорее обособлению конфессиональных меньшинств (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 4. Д. 125. Л. 52-54; Гессен, 1906: 49; Толстой, Гессен, 1907: 33).

5. Заключение

Подводя итоги исследования, мы приходим к выводу, что имперская модель общероссийской национально-государственной идентичности на рубеже XIX–XX вв. формировалась во многом в инерционном режиме. Власти воспроизводили традиционную систему практик интеграции имперского территориально-политического пространства через, во многом, механическое включение местных «этнократических элит» в систему военной и административной элиты Российской империи.

Данная модель демонстрировала высокую эффективность в условиях традиционного, аграрного общества. Однако Великие реформы Александра II запустили процесс широкомасштабной модернизации российского общества, результатом чего стал слом традиционной системы идентичностей и обретение субъектности новыми политическими и социальными группами. Ситуацию усложняло активное распространение националистических идей, в том числе за счет появления этнической интеллигенции и реанимации ксенофобских стереотипов. При этом власти так

и не успели сформировать систему всеобщего начального образования на русском языке, что затрудняло интеграцию национальных окраин в имперское ценностно-политическое поле. Потенциал русской культуры как инструмента «мягкой силы» в рамках выстраивания взаимоотношений с меньшинствами также не был реализован по причине относительно низкой степени развития сети образовательных учреждений начального и среднего звена. Избирательный принцип применения всеобщей воинской повинности к различным народам минимизировал потенциал армии как института ассимиляции. В то же время многие национальные окраины были куда более тесно связаны в экономическом и культурном плане с сопредельными странами, нежели с ядром империи.

Также следует отметить, что власти рассматривали имперскую идентичность упрощенным образом, сквозь призму представлений предшествующих эпох. Она выстраивалась фактически на основании лояльности сакрализованной фигуре монарха, принадлежности к официальной церкви и факта формальной интеграции в военную или бюрократическую «корпорацию» империи. Однако данная модель являлась, по существу, дисфункциональной и показала свою ограниченность в условиях многосоставного и активно трансформировавшегося российского общества.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки РФ (регистрационный номер НИОКТР 122101000050-8). Проект FZNF-2022-0007 «Российская национально-государственная идентичность: новые политико-психологические вызовы в условиях «холодной войны 2.0» реализован в ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» по итогам отбора научных проектов, проведенного Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

Литература

- Баглай, 2016 – Баглай С.С. Особенности национальной политики в период правления Александра III и Николая II // *Молодежь третьего тысячелетия* / Сборник научных статей. 2016. С. 798-801.
- Бирюкович, 1883 – Бирюкович В.В. Политическое и экономическое положение евреев в России // *Русское богатство*. 1883. № 12. С. 655-690.
- Бок, 1992 – Бок М.П. П.А. Столыпин: Воспоминания о моем отце. М., 1992.
- Бородкин, 1905 – Бородкин М.М. Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н.И. Бобринкова. СПб., 1905.
- Боханов, 2006 – Боханов А.Н. Император Александр III. 4-е изд. М., 2006.
- Боханов, 2006 – Боханов А.Н. Последний царь. М., 2006.
- Бурмистрова, 1962 – Бурмистрова Т.Ю. Национальная политика партии большевиков в Первой русской революции 1905–1907 гг. Л., 1962.
- Витте, 1960 – Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. М., 1960.
- Вортман, 1999 – Вортман Р. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // *РОССИЯ/RUSSIA*. Вып. 3 (11). Культурные практики в идеологической перспективе. М.: ОГИ, 1999. С. 233-244.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Гессен, 1906 – Гессен Ю.И. Евреи в России. Очерки общественной, правовой и экономической жизни русских евреев. СПб., 1906.
- Гильфердинг, 2009a – Гильфердинг А.Ф. Польский вопрос // *Россия и славянство*. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 168-251.
- Гильфердинг, 2009b – Гильфердинг А.Ф. Россия и ее инородческие окраины на западе // *Россия и славянство*. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 278-295.
- Горизонтов, 1999 – Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., 1999.
- Гурко, 1897 – Гурко В.И. Очерки Привислянья. М., 1897.
- Деникин, 1990 – Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1991. 300 с.
- Дякин, 1995 – Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // *Вопросы истории*. 1995. № 9. С. 130-142.
- Евгеньева, 2012 – Евгеньева Т.В. Историческая память и национально-государственная идентичность в современной России // *Ценности и смыслы*. 2012. № 5 (21). С. 27-36.
- Зайончковский, 1970 – Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970.
- Катков, 1897 – Катков М.Н. Права и положение русского языка в Прибалтийском крае. Московские Ведомости. 1865. 10 июля // *Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1865 г.* М., 1897. С. 421-426.
- Кисляков, 2011 – Кисляков А.С. Формирование национальных партий на западных окраинах Российской империи. Конец XIX – начало XX в. // *Вопросы истории*. 2011. № 11. С. 135-143.

- Корнилов, 1915** – Корнилов А.А. Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века. Петроград, 1915.
- Кудряшев, 2013** – Кудряшев В.Н. Идея русской нации в общественно-политической мысли России второй половины XIX в.: проблемы национальной идентичности // *Сибирские исторические исследования*. 2013. № 1. С. 58-66.
- Кудряшев, 2018** – Кудряшев В.Н. "Польский вопрос" в русской либеральной публицистике 1860–1880-х гг. // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 431. С. 97-103.
- Левин, 2017** – Левин В.И. Октябрьская революция и евреи России // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2017. Т. 9. № 6–2. С. 29-32.
- Липранди, 1909** – Липранди А.П. Финляндский вопрос. Спб., 1909.
- Майорова, 2012** – Майорова Е.И. Александр III – богатырь на русском троне. М., 2012.
- Мессарош, 1897** – Мессарош П.И. Финляндия – государство или окраина? Спб., 1897.
- Мехелин, 1908** – Мехелин Л. Разногласия по русско-финляндским вопросам: критический обзор. Спб., 1908.
- Миллер, 2007** – Миллер А.И. Русский национализм в империи Романовых / Национализм в мировой истории. М., 2007. С. 332-350.
- Миронов, 2003** – Миронов Б.Н. Социальная история периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. 3-е изд., испр. и доп. Т. 2. Спб., 2003.
- Морозов, 1895** – Морозов П. Финляндия в торгово-промышленном отношении. Спб., 1895.
- Мюллер и др., 2017** – Мюллер А.М., Рябова А.Л., Саблина М.А. Национальная политика Александра III // *Россия в глобальном мире*. 2017. № 11 (34). С. 201-208.
- Платонов, 2005** – Платонов О.А. Еврейский вопрос в России. М., 2005.
- Погодин, 2015** – Погодин С.Н. Фенномания и процесс становления национального самосознания в Российской Империи в XIX веке // *Международные отношения и диалог культур*. 2015. № 3 (2014). С. 347-356.
- Погодин, Рябова, 2016** – Погодин С.Н., Рябова А.Л. Первый период русификации Финляндии (1899–1905 гг.) // *Россия в глобальном мире*. 2016. № 9 (32). С. 338-348.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Сосновских, 2016** – Сосновских А.В. Национальная политика к началу XX века и ее влияние на развитие кризисной ситуации в Российской империи // *Балтийский гуманитарный журнал*. 2016. Т. 5. № 1 (14). С. 205-207.
- Спасович, Пильц, 1903** – Россия и ее западные окраины. Ответы на очередные вопросы в Царстве Польском / Под ред. В. Спасовича и Э. Пильца. Киев, 1903.
- Толстой, Гессен, 1907** – Толстой И.И., Гессен Ю.И. Факты и мысли. Еврейский вопрос в России. Спб., 1907.
- Хобсбаум, 2000** – Хобсбаум Э. Изобретение традиций // *Вестник Евразии*. 2000. № 1. С. 47-62.
- Эриксон, 1996** – Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

References

- Baglai, 2016** – Baglai, S.S. (2016). Osobennosti natsional'noi politiki v period pravleniya Aleksandra III i Nikolaya II [Features of national policy during the reign of Alexander III and Nicholay II]. *Molodezh' tret'ego tysyacheletiya. Sbornik nauchnykh statei*. Pp. 798-801. [in Russian]
- Biryukovich, 1883** – Biryukovich, V.V. (1883). Politicheskoe i ekonomicheskoe polozhenie evreev v Rossii [The political and economic situation of Jews in Russia]. *Russkoe bogatstvo*. 12: 655-690. [in Russian]
- Bok, 1992** – Bok, M. (1992). P.A. Stolypin: Vospominaniya o moem ottse [P.A. Stolypin: Memories of my father]. M. [in Russian]
- Bokhanov, 2006** – Bokhanov, A. N. (2006). Poslednii tsar' [The last king]. M. [in Russian]
- Bokhanov, 2016** – Bokhanov, A.N. (2006). Imperator Aleksandr III [Emperor Alexander III]. 4-e izd. M. [in Russian]
- Borodkin, 1905** – Borodkin, M.M. (1905). Iz noveishei istorii Finlyandii. Vremya upravleniya N.I. Bobrikova [From the recent history of Finland. N.I. Control time of N.I. Bobrikov]. SPb. [in Russian]
- Burmistrova, 1962** – Burmistrova, T.Yu. (1962). Natsional'naya politika partii bol'shevikov v Pervoi russkoi revolyutsii 1905–1907 gg. [The National Policy of the Bolshevik Party in the First Russian Revolution of 1905–1907]. L. [in Russian]
- Denikin, 1990** – Denikin, A.I. (1990). Put' russkogo ofitsera [The path of the Russian officer]. M. [in Russian]
- Dyakin, 1995** – Dyakin, V.S. (1995). Natsional'nyi vopros vo vnutrennei politike tsarizma (XIX v.) [The national question in the internal politics of tsarism (XIX century)]. *Voprosy istorii*. 9: 130-142. [in Russian]
- Erikson, 1996** – Erikson, E. (1996). Identichnost': yunost' i krizis [Identity: youth and crisis]. M. [in Russian]

- Evgen'eva, 2012** – *Evgen'eva, T.V.* (2012). Istoricheskaya pamyat' i natsional'no-gosudarstvennaya identichnost' v sovremennoi Rossii [Historical memory and national-state identity in modern Russia]. *Tsenosti i smysly*. 5(21): 27-36. [in Russian]
- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation].
- Gessen, 1906** – *Gessen, Yu.I.* (1906). Evrei v Rossii. Ocherki obshchestvennoi, pravovoi i ekonomicheskoi zhizni russkikh evreev [Jews in Russia. Essays on the social, legal and economic life of Russian Jews]. SPb. [in Russian]
- Gil'ferding, 2009a** – *Gil'ferding, A.F.* (2009). Pol'skii vopros [The Polish question]. *Rossiya i slavyanstvo*. M. Pp. 168-251. [in Russian]
- Gil'ferding, 2009b** – *Gil'ferding, A.F.* (2009). Rossiya i ee inorodcheskie okrainy na zapade (Russia and its foreign suburbs in the west). *Rossiya i slavyanstvo*. M., Pp. 278-295. [in Russian]
- Gorizontov, 1999** – *Gorizontov, L.E.* (1999). Paradoksy imperskoi politiki: polyaki v Rossii i russkie v Pol'she (XIX – nachalo XX v.) [Paradoxes of imperial politics: Poles in Russia and Russians in Poland (XIX – beginning of XX century)]. M. [in Russian]
- Gurko, 1897** – *Gurko, V.I.* (1897). Ocherki Privislyan'ya [The essays on Privislyan'ya]. M. [in Russian]
- Katkov, 1897** – *Katkov, M.N.* (1897). Prava i polozenie russkogo yazyka v Pribaltiiskom krae. Moskovskie Vedomosti. 10 iyulya [Rights and position of the Russian language in the Baltic region. Moscow Gazette. 1865. July 10]. *Peredovye stat'i iz Moskovskikh Vedomostei za 1865 g.* M. Pp. 421-426. [in Russian]
- Khobsbaum, 2000** – *Khobsbaum, E.* (2000). Izobretenie traditsii [The invention of tradition]. *Vestnik Evrazii*. 1: 47-62. [in Russian]
- Kislyakov, 2011** – *Kislyakov, A.S.* (2011). Formirovanie natsional'nykh partii na zapadnykh okrainakh Rossiiskoi imperii. Konets XIX – nachalo XX v. [Formation of national parties on the western outskirts of the Russian Empire. Late 19th – early 20th centuries]. *Voprosy istorii*. 11: 135-143. [in Russian]
- Kornilov, 1915** – *Kornilov, A.A.* (1915). Russkaya politika v Pol'she so vremeni razdelov do nachala XX veka [Russian policy in Poland from the time of partitions to the beginning of the 20th century]. Petrograd. [in Russian]
- Kudryashev, 2013** – *Kudryashev, V.N.* (2013). Ideya russkoi natsii v obshchestvenno-politicheskoi mysli Rossii vtoroi poloviny XIX v.: problemy natsional'noi identichnosti. [The idea of the Russian nation in the socio-political thought of Russia in the second half of the 19th century: problems of national identity]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 1: 58-66. [in Russian]
- Kudryashev, 2018** – *Kudryashev, V.N.* (2018). "Pol'skii vopros" v russkoi liberal'noi publitsistike 1860–1880-kh gg. ["The Polish Question" in Russian liberal journalism of the 1860–1880s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 431: 97-103. [in Russian]
- Levin, 2017** – *Levin, V.I.* (2017). Oktyabr'skaya revolyutsiya i evrei Rossii [The October Revolution and the Jews of Russia]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. Vol. 9. 6–2: 29-32. [in Russian]
- Liprandi, 1909** – *Liprandi, A.P.* (1909). Finlyandskii vopros [Finnish question]. SPb. [in Russian]
- Maierova, 2012** – *Maierova, E.I.* (2012). Aleksandr III – bogaty' na russkom trone [Alexander III is a hero on the Russian throne]. M. [in Russian]
- Mekhelin, 1908** – *Mekhelin, L.* (1908). Raznoglasiya po russko-finlyandskim voprosam: kriticheskii obzor [Disagreements on Russian-Finnish Issues: A Critical Review]. SPb. [in Russian]
- Messarosh, 1897** – *Messarosh, P.I.* (1897). Finlyandiya – Gosudarstvo ili Russkaya Okraina? [Finland – State or Russian Outskirts?]. SPb. [in Russian]
- Miller, 2007** – *Miller, A.I.* (2007). Russkii natsionalizm v imperii Romanovykh. Natsionalizm v mirovoi istorii. [Russian nationalism in the Romanov empire] M. Pp. 332-350. [in Russian]
- Mironov, 2003** – *Mironov, B.N.* (2003). Sotsial'naya istoriya perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) [The social history of the period of the empire (XVIII – beginning of the twentieth century)]. V 2 t. 3-e izd., ispr. i dop. SPb., Vol. 2. 547 p. [in Russian]
- Morozov, 1895** – *Morozov, P.* (1895). Finlyandiya v torgovo-promyshlennom otnoshenii [Finland in trade and industry]. SPb. [in Russian]
- Myuller i dr., 2017** – *Myuller, A.M., Ryabova, A.L., Sablina, M.A.* (2017). Natsional'naya politika Aleksandra III [National policy of Alexander III]. *Rossiya v global'nom mire*. 11(34): 201-208. [in Russian]
- Platonov, 2005** – *Platonov, O.A.* (2005). Evreiskii vopros v Rossii [The Jewish Question in Russia]. M. [in Russian]
- Pogodin, 2015** – *Pogodin, S.N.* (2015). Fennomaniya i protsess stanovleniya natsional'nogo samosoznaniya v Rossiiskoi Imperii v XIX veke [Fennomania and the process of formation of national identity in the Russian Empire in the XIX century]. *Mezhdunarodnye otnosheniya i dialog kul'tur*. 3: 347-356. [in Russian]
- Pogodin, Ryabova, 2016** – *Pogodin, S.N., Ryabova, A.L.* (2016). Pervyi period rusifikatsii Finlyandii (1899–1905 gg.) [The first period of Russification of Finland (1899–1905)]. *Rossiya v global'nom mire*. 9(32): 338-348. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- Sosnovskikh, 2016** – *Sosnovskikh, A.V.* (2016). Natsional'naya politika k nachalu XX veka i ee vliyanie na razvitie krizisnoi situatsii v Rossiiskoi imperii [National policy by the beginning of the 20th century and

its impact on the development of the crisis in the Russian Empire]. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*. T. 5. 1(14): 205-207. [in Russian]

Spasovich, Pil'ts, 1903 – Rossiya i ee zapadnye okrainy. Otvety na ocherednye voprosy v Tsarstve Pol'skom (1903). Pod red. V. Spasovicha i E. Pil'tsa. Kiev. [in Russian]

Tolstoi, Gessen, 1907 – Tolstoi, I.I., Gessen, Yu.I. (1907). Fakty i mysli. Evreiskii vopros v Rossii [Facts and thoughts. Jewish Question in Russia]. SPb. [in Russian]

Vitte, 1960 – Vitte, S.Yu. (1960). Vospominaniya [Memories]. T. 3. M. [in Russian]

Vortman, 1999 – Vortman, R. (1999). «Ofitsial'naya narodnost'» i natsional'nyi mif rossiiskoi monarkhii XIX veka [Political and economic situation of Jews in Russia]. *ROSSIYA/RUSSIA*. 3(11): *Kul'turnye praktiki v ideologicheskoi perspektive*. M. Pp. 233-244. [in Russian]

Zaionchkovskii, 1970 – Zaionchkovskii, P.A. (1970). Rossiiskoe samodержavie v kontse XIX stoletiya [Russian autocracy at the end of the XIX century]. M. [in Russian]

Формирование имперской модели общероссийской национально-государственной идентичности на рубеже XIX–XX вв.

Виктор Валериевич Титов^{a, *}

^a Государственный академический университет гуманитарных наук, Российская Федерация

Аннотация. В рамках представленного исследования раскрывается вопрос о специфике процесса формирования имперской модели общероссийской национально-государственной идентичности на рубеже XIX–XX вв. Методологическая основа работы сформирована за счет симбиоза элементов сравнительного и структурного анализа. Источниковая база статьи включает в себя ранее не введенные в научный оборот делопроизводственные документы Министерства внутренних дел Российской империи и источники личного происхождения. На основе проведенных изысканий автор приходит к выводу, что имперская модель общероссийской национально-государственной идентичности на рубеже XIX–XX вв. формировалась во многом в инерционном режиме. Власти воспроизводили традиционную систему практик интеграции «этнократических элит» в ценностно-смысловое поле российской государственности через их включение в общеимперские социальные иерархии – политическую, военную, административную.

Данная модель демонстрировала высокую эффективность в условиях традиционного, аграрного общества. Но Великие реформы Александра II запустили процесс широкомасштабной модернизации российского общества, результатом чего стал слом традиционной системы идентичностей и обретение субъектности новыми политическими и социальными группами. Ситуацию усложняло активное распространение националистических идей, в том числе за счет появления этнической интеллигенции и реанимации ксенофобских стереотипов. При этом власти так и не сумели сформировать систему всеобщего начального образования на русском языке, что затрудняло интеграцию национальных окраин, а в отдельных случаях способствовало стигматизации титульной нации. Потенциал русской культуры как инструмента «мягкой силы» в рамках выстраивания взаимоотношений с меньшинствами также не был реализован по причине относительно низкой степени развития сети образовательных учреждений начального и среднего звена. Избирательный принцип применения всеобщей воинской повинности к различным народам минимизировал потенциал армии как института ассимиляции. В то же время многие национальные окраины были куда более тесно связаны в экономическом и культурном плане с сопредельными странами, нежели с ядром империи.

Также отмечено, что власти рассматривали формирующуюся имперскую идентичность в ретроспективном ракурсе – сквозь призму представлений предшествующих эпох. Она выстраивалась фактически на основании лояльности сакрализованной фигуре монарха, принадлежности к официальной церкви и ощущения причастности к бюрократической, военной либо сословной «корпорации» империи. Однако данная модель являлась неработоспособной в условиях активно модернизовавшегося общества.

Ключевые слова: имперская идентичность, национально-государственная идентичность, модель, Российская империя, национализм.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: titov-msu@mail.ru (В.В. Титов)